

М. ДОГАН,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИИ СОРБОННЫ

СОЦИОЛОГИЯ СРЕДИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК*

Определяются место и роль социологии среди социальных наук, ее возможности и перспективы развития.

The place and role of sociology among social sciences, its possibilities and perspectives of development are considered.

Матей Доган (1920–2010) – всемирно известный французский социолог, магистр истории и философии, доктор социологии, специалист в области политической социологии. Родился в Румынии. С 1953 г. работал в Национальном центре научных исследований (CNRS), преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Принимал активное участие в работе Международной ассоциации политической науки (IPSA), где основал исследовательский комитет «Политические элиты», а также был председателем комитета по сравнительной социологии Международной социологической ассоциации. В 2001 г. создал Фонд им. М. Догана по общественным наукам (FMD) в Париже и посвятил последние годы жизни его развитию.

*Предлагаем читателям перевод статьи М. Догана, опубликованной в 2000 г.***

Отношения социологии и других социальных наук – это отношения частей разных дисциплин, а не дисциплин целиком. Социология – одна из самых открытых наук по отношению к другим. Ее открытость проявляется в цитировании в научных публикациях, что позволяет замерять степень когерентности дисциплины, связи специализаций внутри нее и междисциплинарные взаимодействия. Если специалисты в какой-либо субдисциплине цитируют больше всего или исключительно специалистов той же субдисциплины и лишь немногие – авторов извне, то эта дисциплина обладает низкой степенью внутренней когерентности, реальный рост которой происходит в ее специальных отраслях. Если значимая доля авторов нарушает границы своей специальности, то всю дисциплину можно считать интегрированной.

Как показывают предметные и алфавитные указатели большинства компендиумов и учебников, у социологии слабое ядро. Ее фрагментация на изолированные специализации видна в большинстве социологических трудов: «Мы делим дисциплину на ряд объектов, каждый из них – предмет отдельной главы. Эти главы интегрированы минимально»¹. Теоретическая социология представляется отдельным полем, не связанным с предметными полями: «Общая социология дана в основном во вводных главах и в меньшей степени стала социальной теорией; большинство практикующих социологов используют ее в работе весьма редко»². В «Учебнике социологии» под редакцией Н. Смелзера 22 главы посвящены автономным, слабо связанным специализациям. Немногие из 3200 авторов, цитируемых в нем, упомянуты более чем в одной специализации³. Отсутствие консенсуса между социологами подчеркивалось при обсуждении этого учебника⁴.

В общих трудах по социологии, вышедших за последние двадцать лет, чаще всего цитируют не современных социологов, за исключением Парсонса, Мертона, Лазарсфельда, Миллса, а немногих представителей непосредственно предшествовавшего поколения. Сегодня социологи, судя по цитируемой ими литературе, напоминают детей, воспитанных дедами. Культ предков удивителен: ведь «труды классиков перестали быть непосредственно полезными для среднего социолога. Для проведения исследований в специальных областях социологии не нужно читать объемистые труды, часто заумные и полуфилософские по природе, написанные Марксом и Спенсером, Зиммелем и Вебером, Мидом и Знанецким. Для исследований достаточно уметь пользоваться новым справочником, стандартными техниками и современными теориями среднего радиуса действия»⁵.

* Публикуется по: Социол. исслед. 2010. № 10.

** Encyclopedia of Sociology. 2nd Ed. / E. Borgatta, R. Montgomery eds. New York; London, 2000. Vol. 5. P. 2913–2927.

Фрагментация социологии отчасти объясняется отсутствием консенсуса в отношении доминирующей, интегрирующей, общепринятой теории, парадигмы. Если бы такой консенсус был, у современной социологии имелось бы не большое старое ядро, не было бы центробежных сил, она не «расползалась» бы во все стороны. Ее «территория» напоминает позднюю Римскую империю, когда большинство солдат далеко на границах, а в столице армии нет.

Недостаточно коммуникации между пятью десятками ее специализированных областей, признанных Международной социологической ассоциацией (МСА), и тридцатью секциями Американской социологической ассоциации. За слабость или отсутствие кооперации специальных областей мстит активная связь, существующая между отдельными специализированными областями социологии, а также вне этих областей. Исследуются проблемные поля, относящиеся формально к другим дисциплинам и специализациям: социальная психология, социальная демография, социальная антропология, социальная история, социальная география, социальная экология, некоторые ветви политической науки, политической экономики и социолингвистики. В социологической литературе за последние 20 лет проявился двойякий феномен: деление дисциплины на не общающиеся специализации и открытие дисциплинарных границ для чужих дисциплин.

Строятся мосты между дисциплинами. Движение по этим мостам почти также важно, как движение по формально внутренним артериям социологии. Масштаб «внешней торговли» можно измерить. Исследование, охватившее четыре десятилетия (1936–1975), показало, что социологи цитировали из социологических журналов только 58 % статей по своей дисциплине, политологи – только 41 %; антропологи ссылались 51 % раз на коллег, психологи – 73 %, экономисты – 79 %⁶. Эти цифры показывают: в каждой социальной науке значимая часть теоретической, методологической и существенной коммуникации связана с другими дисциплинами. Самая открытая дисциплина – социология, а самая автономная – экономика.

Анализ журналов по социологии и экономике выявил значимый сдвиг между 1972 и 1987 гг.: в социологии – к междисциплинарной социологии, в экономике – к междисциплинарной экономике. Критерий междисциплинарности – доля цитируемых в журналах отсылок по соответствующей дисциплине⁷. Проведенный этими авторами анализ кластеров ссылок показал рост междисциплинарных связей.

Кроме выхода за границы дисциплин, важным трендом последних 15 лет стало увеличение числа так называемых гибридных журналов, выходящих вне дисциплин и специализаций. За эти годы возникли более трехсот англоязычных гибридных журналов, прямо или опосредованно связанных с социологией; к ним надо добавить французские и немецкие. У большинства из них подписка невелика; они адресованы специалистам по крайне узким субполям.

Специализация, фрагментация, гибридизация

Фрагментация дисциплин порождает неизбежно растущий процесс специализации. Его испытывают все науки. По мере роста дисциплины те, кто ею занимаются, все более специализируются, неизбежно теряя из виду другие ее области. Деление физики на физику и астрономию, химии – на органическую химию и физическую химию – примеры из наук естественных. В науках общественных прежнее право распалось на право и политическую науку; антропология разделилась на физическую и культурную; психология раскололась на психологию, социальную психологию, психотерапию и психиатрию.

Каждая формальная дисциплина постепенно становится слишком большой и неповоротливой. Ни одна теория или концептуальная рамка не охватит всю территорию социологии. Т. Парсонс последним пытался осуществить такой синтез, но его амбиции не реализовались. Современные теории применимы лишь в субдисциплинах. Процесс фрагментации и специализации рано или поздно сменится рекомбинацией специальностей в новые об-

ласти-гибриды. Эти новые сочетания соответствуют логике множественной и многофакторной каузальности в социальных науках.

Самые известные новые гибриды поднимают свои флаги. Например, политическая социология представляет собой слияние частей родительских дисциплин; социальная психология уже автономна; политическая экономия отобрала большие сегменты у экономики и политической науки, а поменьше – у социологии; историческая социология ожила по обе стороны Атлантики. Ни одно из этих субполей три десятилетия назад не упоминал Н. Смелзер в книге *«Социология и социальные науки»* (1967). Этот факт подтверждают произошедшие с тех пор перемены.

Не стоит сетовать на фрагментацию социологии или иной социальной науки. Интеракции специализаций разных дисциплин благотворны. Все социальные науки, включая социологию, росли вширь и вглубь путем обменов с родственными специализациями, родившимися в других дисциплинах. То, что некоторые ученые считают распылением, в действительности – неизбежная тенденция роста знания.

В истории социальных наук движение от фрагментации к специализации и гибридизации принимало одну из следующих шести форм:

1. *Деление дисциплин на две части*, подобно амебе, путем бифуркации. История науки претерпела длинную цепь делений; самое старое – «развод» философии с политической теорией при Аристотеле; из недавних – «развод» когнитивной науки с традиционной психологией.

2. *Изменение границ признанных дисциплин*. Рост специализации на пересечениях ведет к сужению «старых» дисциплин. Независимость социальной психологии лишила прежнюю психологию огромной территории. Граница экономики отодвинулась перед самостоятельной политэкономией. Антропология пережила отступление границ в результате модернизации, индустриализации и урбанизации, но выросли урбанистические исследования. Пограничные области политической науки меняются. В естественных и социальных науках огромные айсберги отрывались от материкового льда.

3. *Миграция ученых из одной дисциплины в другую, на новые территории*. Основатели социологии вышли из философии (Э. Дюркгейм), истории (М. Вебер), экономики (В. Парето).

4. *Слияние областей в новом гибридном поле, комбинации частиц наук*. Самый свежий пример в медицине – «перемешивание» фрагментов кардиологии и пульмонологии. Номенклатура социальных наук полна такими гибридами, часто во втором-третьем поколениях.

5. *От отростков материнской дисциплины (по прагматическим соображениям) до перехода в формально другую дисциплину*. Например, социология медицины, самая распространенная социологическая субдисциплина, сегодня чаще присутствует в больницах, чем на факультетах социологии; она помогает решать проблемы.

6. *Заимствования из соседних дисциплин, обмен концептами, теориями, методами, практиками, инструментами и сущностью*. Это важный канал гибридизации. Все социальные науки делятся между собой концептами, теориями и методами. Вклад социологии в общую копилку впечатляет: она придумала и экспортировала намного больше в соседние дисциплины, чем заимствовала из них⁸. Большинство теорий, сформулированных какой-то дисциплиной, рано или поздно попадают в другие дисциплины. <...>

Следует отличать междисциплинарный сплав от гибридизации путем комбинации специализаций разных дисциплин. Социология была единой лишь на ранней стадии развития. Гибридизация началась потом, когда назрела внутренняя фрагментация дисциплин. Слово «междисциплинарный» вводит в заблуждение при описании современных тенденций. Сегодня специализации (не целые дисциплины) перекрываются. Слово «гибридизации» может выглядеть заимствованием из биологии, но его использовали Пиаже и Лазарсфельд.

Социометрические исследования показали, что у многих специалистов лучше налажены контакты с коллегами из других дисциплин, чем из собственных. «Невидимые коллегии», описанные Р. Мертоном, Д. Крейн, другими социологами науки, – важнейшая мультидисциплинарная институция; она обеспечивает коммуникации и из одного университета в другой, и через национальные границы, и между специалистами, формально относящимися к разным дисциплинам. Кроссдисциплинарные влияния стирают различия классификаций социальных наук.

Рекомбинации социологических специализаций со специализациями других социальных наук

Социология наиболее интенсивно обменивалась концептами, теориями, методами, практиками и результатами с политической наукой, историей и экономикой. Ниже я сосредоточусь на этих трех «родственников». <...>

Отношения с политической наукой

В отношениях социологии и политической науки наблюдается двоякий феномен. Во-первых, внутри обеих дисциплин слабы коммуникации между специализированными полями: специальные исследовательские поля, принадлежащие формально к одной дисциплине, непроницаемы для другой⁹. Типично мал научный обмен между исследователем американского конгресса и специалистом по политическим аналогам на Среднем Востоке, между социальным философом и экспертом по статистическому анализу, африканистом и экспертом по передовым странам. Однако большинство ученых, как правило, имеют отношения с родственными специалистами из соседних дисциплин. В процесс фрагментации вносит свой вклад и разнообразие методологических школ.

Во-вторых, оживленно пересекаются границы дисциплин между специальными полями или субполями одной дисциплины и родственными полями другой. Убедительной демонстрацией значения междисциплинарных мостов служат пятьдесят исследовательских комитетов МСА и сорок – Международной ассоциации политических наук (МАПН). У каждой области одной дисциплины есть аналог в другой: религия, этничность, поколения, тендер, СМИ, элиты, социализация, преступность, социальные неравенства и др. К этим смесям нужно добавить теоретические и методологические пары: все крупные школы и секции представлены в обеих дисциплинах – от рационалистов до марксистов, от «качественников» до крайних «количественников».

Отношения между социологической и политической науками можно изучать путем подсчета доли авторов, относящихся к одной дисциплине, имена которых цитируют в статьях по другой. Анализ сносок в крупных журналах подтверждает «торговлю» через дисциплинарные границы и изменения торговых путей. Во «внешнеторговом» балансе политической науки доминируют экономика, социология и социальная психология, экспортирующая преимущественно в социологию.

В «перекрестном опылении» политической науки были перемены. За 1950–1960-е гг. социология была главным донором политической науки. Ее вклад – теория групп, политическая социология, политические предпочтения, теория систем. В 1970–1980-е гг. главным «перекрестным опылителем» политической науки стала экономика, особенно теории публичного блага и коллективного действия, теории игр, социального выбора и международной торговли. Психология постоянно экспортировала в политическую науку и социологию, но на более низком уровне. За 1960-е гг. ее главный вклад – теория личности и изучение ценностей.

У политической социологии и компаративной политики очень тесные отношения, в ряде случаев доходящие до фактического слияния. История сравнительных исследований знает примеры сотрудничества и сближения политической социологии с компаративной политикой. Между 1958 и 1972 гг. было опубликовано свыше 30 важных трудов и статей, общими в которых

были: количественное сравнение, гибридизация и накопленное знание. Такая комбинация никогда ранее в истории социологии и политической науки не встречалась¹⁰. Этот важный момент также знаменовал разрыв с классической европейской компаративистикой в духе социологии Токвиля, Дж.С. Милля, Маркса, Вебера и Парето.

Озабоченность недостаточной информативностью компаративной политологии после подавления социальной науки тоталитаризмом в Европе (Scheuch, 1992) и до ее возрождения в США выразил Рой Макридис в 1955 г. Чуть ранее (1954) Бюро статистики США начало публиковать «социальную статистику»: демографические переменные, доходы, стандарты жизни, социальная мобильность, санитария, питание, жилье, образование, труд и преступность. Эти источники способствовали встрече политической социологии и компаративной политологии.

<...> Фоном для «Компаративной политики» Г. Альмонда и Дж. Бингхэма Пауэлла (1966) стал ряд социальных наук, особенно социология и социальная антропология. С этого момента поле международных сравнений раздваивается, и оба пути связываются с политической социологией. Один – количественные исследования; их авторы широко используют неполитические факторы в анализе коррелятов демократии и перехода к ней. В Докладе о человеческом развитии ООН (1990 и далее) ВВП на душу населения заменен новым индикатором ППС – паритет покупательной способности.

Второй путь предпочел секторальную компаративистику. Пример тому – восемь томов о развитии, изданные Принстонским университетом. Здесь политические проблемы по большей части – зависимая переменная, объясняемая социально-экономическими и культурными факторами. До тысячи книг и статей насчитывает библиография секторальной компаративистики последних тридцати лет. Около половины их авторов формально относятся к политической науке, четверть – к социологии, четверть – можно отнести к той или другой.

Историческая социология и социальная история

Споры о роли и границах истории, восходящие во Франции к Дюркгейму, Симиану и Сеньобосу, кажется, не кончились. Спустя три поколения историю исключили из социальных наук решением международной организации: ее нет среди так называемых номотетических наук, перечисленных в первом томе издания ЮНЕСКО «Основные тенденции социальных и гуманитарных наук». Историки, похоже, не стали резко реагировать на этот выпад, а некоторые с ним смирились. «Прогресс истории в последние 50 лет – результат ряда браков: с экономикой, с демографией, даже с географией... этнологией, социологией и психоанализом. В общем, новая история рассматривает себя как нечто похожее на вспомогательную науку для других социальных наук»¹¹. Слово «вспомогательный» – прежде болевая точка, сейчас используется историком. Но мнение историков, которые решительно выступают за междисциплинарность, далеко не такое: «История будет прогрессировать только в контексте междисциплинарности».

Дюркгейм и Бродель согласны друг с другом пока их интересуют исторические периоды и компаративный подход. С интервалом в 60 лет они по-разному говорят практически одно и то же: «История может быть наукой лишь постольку, поскольку она сравнивает; но не может быть объяснения без сравнения. <...> Начиная сравнивать, история делается неотличимой от социологии» (Дюркгейм в «L'Année Sociologique» № 1 за 1898 г.). Бродель столь же уступчив: «...что касается большого временного протяжения, дело не просто в связи истории и социологии друг с другом и не во взаимной их поддержке, а скорее в их слиянии»¹². Но это касается той части истории, которая сравнивает, рассматривая длительные отрезки времени; другие поля истории имеют с социологией очень мало общего. Многим социологам просто не нужна история для решения проблем, которыми они занимаются. Дюрк-

гейм и Бродель, развивая свои мысли вместо рассмотрения своих дисциплин как единого целого, четко высказались бы об общей территории, которую сейчас называют компаративной социальной историей или исторической социологией. Если согласиться с тем, что история и социология совпадают только отчасти (по некоторым проблемам), то давний территориальный спор истории и социологии ушел в прошлое. Но это только один сектор истории, столкнувшийся с неким сектором другой дисциплины. Обмены с экономикой породили экономическую историю, интересную достаточно многим историкам и экономистам, чтобы обеспечивать материалом ряд крупных журналов. Всякая активность человека имеет своего историка, который для выполнения поставленных перед собой задач охотится в землях другого. <...>

Компаративный метод очень полезен для синтеза общих констатаций причин исторических событий. Одной из первых на этот путь встала французская школа «Анналов», разработавшая аппарат социальной истории – социологический и компаративный. Марк Блок был одной из самых влиятельных фигур в этой школе. Им написаны программное заявление «За сравнительную историю европейских обществ» (1928) и «Феодальное общество» (1939–1940). Порой историки не могут оценить валидность каузальной интерпретации на основе одного случая, что делает компаративный подход абсолютно необходимым для объяснения¹³. Сравнительная история преодолевает фрагментацию специализированной (и особенно национальной) истории. Изучая сходные каузальные процессы в двух и более конкретных контекстах, можно выявить природу каузальных сил и лучше понять изучаемые события.

Диалог особенного и общего – важная проблема исторических социологов. П. Берк (1980) выделил два аспекта вклада, который может сделать история в социологию, – негативный и позитивный. Вклад негативный – это удаление деталей построенного другими здания, чтобы показать, что предложенная теория не соответствует конкретному обществу. Здесь важна проверка, опасная для любой теории. Но существующие теории доказывают свою ценность. Позитивный вклад – движение от общего к частному, чтобы создать проверенную общую теорию. Эта задача особенно ценна, так как генерализации социолога часто кажутся историку праздными. Историки безжалостно отвергали многие красивые теории, выстроенные социологами и политологами. <...>

Вопреки общему мнению историческая социология иногда не основывается на количественных данных. Однако квантификация столь вездесуща в социальных науках, что историки легко могут не понимать природу своего поля. «В одной области или другой ведущим методом была та или иная квантификации. Из-за этого однообразия многие неквантитативные историки ошибочно приняли бушприт за весь корабль»¹⁴. Количественные данные для большинства социологов – это как для историков первоисточники. Если историк не может удержаться от цитирования дневников, социологи не могут не прибегать к цифрам. Оба вида данных имеют преимущества и недостатки, и каждая дисциплина может выиграть, используя данные другой.

Кроме различий в методах, история и социология часто различаются наборами концепций. Историки с пользой применяют социологические концепты: структура, функции, социальная роль, родство, социализация, девиация, общественный класс, стратификация, социальная мобильность, модернизация, патрон-клиент, фракции. Этот список показывает масштаб гибридных субполей, выходящих за границы дисциплин. Так концепт «развитие» – центральный в ряде наук¹⁵.

Отношения с экономикой

Обсуждая отношения социологии и экономики, нужно различать несколько видов экономистов: эконометрики, монодисциплинарные монетаристы-теоретики, безземельные теоретики, эклектические нарушители границ; пя-

тый вид – экономисторики – «изгнаны из экономики». Первые два вида хорошо известны. Безземельные теоретики (я заимствую этот термин у Р. Роуза¹⁶) – это экономисты, не считающие нужным заниматься национальными государствами и сводящие все страны к единой модели. Они путешествуют в стратосфере безземельной экономики. Конечно, первые три вида внесли выдающийся вклад в научное знание. Среди них много нобелевских лауреатов. Но меня интересует последний вид: он один поддерживает добрые отношения с другими социальными науками.

Эклектичные экономисты осуждают редукционизм других экономистов. Сорок лет назад Ф. Хайек писал, что «экономист, который только экономист, скорее всего, станет обузой, если не настоящей опасностью»¹⁷. Нобелевскому лауреату Джеймсу Бьюкенену «становится все яснее, что каналы эффективной коммуникации не доходят до науки, которую мы по-разному зовем “экономикой”, и что некоторые “экономисты” способны много эффективнее общаться с некоторыми учеными в неэкономических дисциплинах, чем с теми, кто считается их собственной профессиональной группой»¹⁸. Еще один нобелевский лауреат вопрошал: «Почему экономике надо быть междисциплинарной? Ответ, видимо, таков: иначе она будет делать ошибки; игнорирование всех других, кроме узкоэкономических интеракций, ведет к ложным заключениям, которых можно избежать»¹⁹. Многие экономисты заявляли, что «нужно меньше использовать *ceteris paribus*, применять междисциплинарный подход, делать экономику открытой к многомерности»²⁰.

Экономика расколота меньше, чем другие социальные науки. Она поддерживает когерентность, платя за нее высокую цену – постоянное сжатие своего поля. Одно время экономика казалась на распутье: она могла выбрать интеллектуальную экспансию в другие дисциплины ценой гетерогенности, диверсификации и риска распыления. На этот риск пошли социология и политология. Экономика осталась верна себе ценой больших территориальных уступок. Многие экономисты считают выбор чистоты, методологической строгости, герметичной терминологии правильным.

Итак, самодостаточность в итоге ведет к сжатию границ. И это не обедняет всех: оставленные экономистами земли быстро стали возделывать другие. На этой земле теперь свои отделы, исследовательские центры, профессиональные школы – менеджмент, политэкономия, наука о развитии. Экономика в созвездии социальных наук сегодня могла бы доминировать заметнее, если бы многие экономисты не ушли в монодисциплинарность. Ситуация удивительная: «Немногие экономисты-классики не отвели центральное место в своих теориях отношениям экономики и общества: от Маркса и Вебера до Шумпетера, Поланьи, Парсонса и Смелзера»²¹. Я добавляю Парето.

Если одни экономисты заперлись в башне из слоновой кости и позволили целым областям науки «уйти», то другие требовали «имперской экспансии экономики в традиционные сферы социологии, политической науки, антропологии, права и социальной биологии»²². Некоторые из этих экономистов знамениты, включая ряд нобелевских лауреатов. Подобие их манифеста опубликовало «Американское экономическое обозрение»: «Нельзя выделить особую территорию экономики, граничащую с социальными науками и отдельную от них. Экономика проникает в них, и они проникают в нее. Социальная наука лишь одна. Имперскую интервенционистскую силу экономике придают ее аналитические категории – истинно универсальные по применимости. Но здесь есть и обратная сторона...»

Социальная психология

Большинство социологов не занимаются исследованиями, которые интересуют психологов, и наоборот. Для большинства социологов и психологов их территории четко поделены. Тем не менее у обеих дисциплин есть совместное владение – социальная психология, населенная «гибридными»

учеными, многие из которых начинали в одной из этих дисциплин, другие и начинали как «гибриды». К тому же для многих социологов, а не социальных психологов психология – это самая близкая и важная пограничная дисциплина. Это позволяет мне быть кратким. Слова А. Инклеса, написанные тридцать лет назад, по-прежнему верны: «Легко подобрать 50–100 новых статей по социальной психологии, половину из психологических и половину из социологических журналов, которые будут столь похожи, что никто, не зная текста и автора, не сможет достаточно точно отличить написанное профессионалом-социологом от написанного психологом. Из простого факта вытекает ряд соображений. Ясно, что обе дисциплины нельзя определять в терминах того, что делают социологи и психологи, так как они часто делают одно и то же»²³.

Рост социальной психологии за два последних поколения делает irrelevantными довод Дюркгейма о превосходстве социологии над психологией и споры о дихотомии индивид – общество. «Претензия на принципиальное отличие социологии от психологии на основании различия индивида от общества сомнительна вследствие значения, которое по меньшей мере некоторые социологи уделяют изучению индивидов, трудностей определения психологии как изучения индивидов, трудностей в концептуальном отделении индивида от общества»²⁴. В первые годы после войны психологов чаще всего цитировали «родственники-социологи»; последние 20 лет впереди политическая наука и экономика. Социальная психология стала автономной.

Отношения с экологической географией

Вслед за социологом Эллсуортом Хантингтоном (1924) – его справедливо критиковал П. Сорокин в 1928 г. – целое поколение американских социологов отказалось от учета географических факторов. Даже сегодня большинство социологов и географов игнорируют друг друга. До недавнего времени социологи не учитывали факторы среды и климата. Но не молчали многие видные «гибридные» ученые. А. Льюис в *«Теории экономического роста»* отмечал: «Важно установить причины, по которым страны в тропиках за последние 200 лет отстали в экономическом росте»²⁵. К. Гэлбрайт писал: «В пределах пояса шириной в тысячу миль вокруг земли по экватору нет развитых стран – повсюду стандарт жизни низок, жизнь человека коротка»²⁶. <...>

Экологические факторы подтверждены за несколько последних десятилетий исследованиями в тропиках геологов, географов, биологов, зоологов, ботаников, агрономов, эпидемиологов, паразитологов, климатологов, экспертов Всемирного банка и агентств ООН, «гибридными» учеными, знающими хозяйство тропиков и др. Ситуация улучшилась согласно докладам международных организаций. Для объяснения экономической неразвитости тропической Африки и некоторых других тропических регионов также используются естественные науки и демография. Теория зависимости может помочь Латинской Америке и Восточной Европе, но меньше – тропической Африке.

Литература по экологическим параметрам тропиков контрастирует с литературой о переносе флоры и фауны из одной климатической зоны в другую. Например, книга А. Кросби *«Экологический империализм: биологическая экспансия Европы 900–1900»* (1986) проливает свет на создание США своей мощи. Это пример того, что может произойти, когда дисциплина игнорирует важный предмет. Вакуум, оставленный отсутствием социологических исследований этой географо-эколого-экономической проблемы, заполнен эклектиками от экономики и гибрид-экологами.

Социологи и географы встретились не в крупных «междисциплинарных» трудах, а в ряде отдельных полей, таких как урбанизм. В США важные труды созданы в субполе «человеческой экологии» социологами, среди которых Р. Парк, Э. Берджесс, Л. Вирт, Э. Хоули, О. Данкен, Фоли, У. Фаери, Л. Шноре, географами, находившимися под влиянием социологии (Харрис,

Плат, Э. Ульман), социологами и географами, работающими с территориальной статистикой. Бывший гибрид – «урбанистические исследования» – сейчас самостоятельная специальность во многих крупных университетах Европы и США.

Урбанистические исследования как квазидисциплина включают субполя, захватывающие специализации социологии, географии и антропологии. Это архитектура и строительство, проектирование и производство работ, естественные науки (климатология, сбережение энергии), социальные науки (социально-физические исследования), гуманитарные науки (история архитектуры) и гибрид – городское планирование. Ряд архитекторов, перестраивавших города, строивших аэропорты, культурные и торговые центры, например в Роттердаме, Бразилии, Осаке, стали знаменитыми. Их слава базируется на достижениях строительства, естественных, социальных, гуманитарных наук, планирования.

Исследования городов тоже испытали влияние экономики и экономгеографии. Главный вклад этого гибрида – теория размещения сельского хозяйства, промышленности, торговли. <...>

Таким образом, современные социальные науки пережили три крупных тренда: быстрая экспансия, фрагментация прежних дисциплин путем специализации, рекомбинация специальностей в новые гибридные области. Социальные науки быстро менялись в последние 40 лет. За 1956–1960 гг. индекс цитирования в социальных науках (ИЦСН) дает число цитирований 2 млн 400 тыс. Через 30 лет число цитированных в этом тезаурусе статей поднялось до 18 млн – рост в 7,5 раза (Comparative Statistical Summary, 1966–1994, p. 61–63).

Трудно оценить число статей по социологии и релевантных ей, даже если установить источник и иметь критерий релевантности. Главная трудность – расплывчатость и неоднозначность границ дисциплин. От четверти до трети цитируемых социологами за последние десятилетия статей написаны экономистами, политологами, психологами, историками, географами и другими обществоведами.

В 1994 г. ИЦСН содержал почти 2 млн цитирований 400 тыс. авторов из 15 дисциплин и многих стран. Из 2 млн примерно 5–8 % – ссылки на статьи социологов. Конечно, весь спектр социологии никому не подвластен. Парадигм в дисциплине нет, есть частные оспариваемые теории и подвижные границы. Но успех без особого труда возможен через поиск пути в библиографическом лабиринте, ибо научное сродство структурировано на секторы, субдисциплины, сферы, поля, субполя, специализации, темы и ниши, несмотря на нечеткие границы. Растущая специализация социологии – главный путь успеха в науке. Некоторые ученые рекомендуют междисциплинарный подход. Некоторые считают, что социальные науки можно четко разграничить. Много приверженцев и у междисциплинарности. Эта рекомендация не реалистична, она не замечает сущностного явления истории науки – специализации через процесс фрагментации. Для понимания научной креативности еще важнее другой (не рост научных публикаций и специализаций) феномен: рекомбинация специализаций в новые гибридные области, феномен гибридизации научного знания.

Гибридный ученый – это специалист, пересекающий границы своей дисциплины, интегрируя в свои исследования факторы, переменные, теории, концепты, методы и сущности, генерированные в других дисциплинах. Разные дисциплины могут исходить из разных целей при изучении тех же феноменов. Многодисциплинарность подразумевает раздел территорий между дисциплинами. Напротив, гибридизация подразумевает совмещение сегментов дисциплин, рекомбинации знания в новых специализированных полях. Инновация в каждой дисциплине зависит от обменов полями с другими дисциплинами. На самом высоком уровне большинство исследователей

работают в гибридных субдисциплинах. Как вариант, они могут работать в гибридном поле (субполе).

Новаторская рекомбинация – это смешение фрагментов наук. Вырастая, прежние поля аккумулируют такую массу материала, что распадаются. Каждый фрагмент дисциплины затем сталкивается с фрагментами других дисциплин за их границами, теряя контакт с «родственниками» в старой дисциплине. У специалиста по урбанизации меньше общего со специалистом по рекрутированию элит, чем с географом, изучающим структуры больших городов, у которого в свою очередь больше общего с коллегой-экономистом, занимающимся неравенством доходов в городах.

Большинство гибридных специализаций и областей признают свои генеалогические корни: политэкономика, социальная психология, социальная география, историческая социология, генетическая демография, психолингвистика, политическая антропология и многие другие. Гибридные специализации ветвятся, порождая во втором поколении все новые гибриды²⁷.

Исследовательские комитеты и группы МСА примерно наполовину сконцентрированы в гибридных специализациях. Число социологов, работающих вне дисциплинарных границ, столь велико, что коммуникаций между разными полями социологии и с их «родней» вне дисциплины больше, чем между полями в социологии.

Трудно, даже невозможно изучать крупные социальные феномены в жестких рамках монодисциплин. Лишь позиция на перекрестке ветвей знаний может объяснить влияние технического прогресса на структурную безработицу в Западной Европе, рост городов-гигантов в странах третьего мира, экономический упадок Соединенного Королевства и экономический рост Японии или то, как малыш учится говорить. Вопрос такого масштаба приводит на пересечение многих дисциплин и специализаций. Все крупные проблемы выходят за формальные границы дисциплин: война и мир, смена поколений, свобода и неравенство, индивидуализм в развитых обществах и фундаментализм в традиционных. Большинство специалистов находятся вне так называемых ядер дисциплин. Они – *ученые-гибриды*. Понятие гибридизации не значит «две целые дисциплины в одной голове», это рекомбинация двух или нескольких областей знания, выросшая из разных дисциплин.

Большинство социологов-классиков были междисциплинарными генерализаторами, но в последнее время кроссдисциплинарных достижений добились не генералисты, а *гибрид-специалисты*. Такой специалист сегодня может быть маргиналом в любой из дисциплин, у которых он заимствует, включая собственную исходную, но такой специалист – в центре пересечения двух или более дисциплин.

Сегодня большинство ученых знают, что лучшая альтернатива трудным экспериментам в их дисциплинах – компаративный метод, – одна из возможностей доказать или опровергнуть генерализации «мягких» наук. Компаративный метод – ключ к межнаучному обмену.

Социологи и политологи-компаративисты разработали методы лучше, чем специалисты других социальных наук. Один из них писал: «Нет социологической теории без сравнений. Всякий научный анализ – это подвид общего компаративного анализа... любое обобщающее заявление, связанное с переменными, имеет дело со сравнением»²⁸.

Крупные социальные явления необъяснимы в строго дисциплинарных рамках без компаративного взгляда. Лишь позиция на перекрестке отраслей знания и компаративный подход позволяют обществоведам двигать вперед знание. Пересечения гибридных специализаций и компаративные взгляд – самые перспективные места в социальных науках.

¹ Calhoun C. Sociology, other Disciplines and the Project of a General Understanding of Social Life // Halliday T., Janowitz M. Op. cit. 1992. P. 185.

² Ibid.

- ³ См.: Dogan M. The New Social Sciences: Crack in the Disciplinary Walls // International Social Science Journal. 1997. 153. Sept. P. 429–443.
- ⁴ См.: Calhoun C., Land K.C. Symposium: Smelser's Handbook: An Assessment // Contemporary Sociology. 1989. № 18. P. 475–513.
- ⁵ Szacki J. The History of Sociology and Substantive Sociological Theories // Bottomore T., Nowak S., Sokolowska M. Sociology, the State of the Art. London, 1982. P. 360.
- ⁶ См.: Rigney D., Barnes D. Patterns of Interdisciplinary Citation in the Social Sciences // Social Science Quarterly. 1980. P. 117.
- ⁷ См.: Crane D., Small H. American Sociology since the Seventies: the Emerging Identity Crisis in the Discipline // Halliday T., Janowitz M. Op. cit. 1992. P. 204–205.
- ⁸ См.: Dogan M. Political Science and the Other Social Sciences // Boodin, Klingemann. A New Handbook of Political Science. Oxford, 1986. P. 97–130.
- ⁹ См.: Dogan M. The New Social Sciences: Crack in the Disciplinary Walls // International Social Science Journal. 1997. 153. Sept. P. 429–443.
- ¹⁰ См.: Dogan M. Fragmentation of the Social Sciences and Recombination of Specialties // International Social Science Journal. 1994. № 139. P. 27–42.
- ¹¹ Chaunu P. Interview // Le Courrier du CNRS. 1979. 33. P. 5.
- ¹² Braudel F. Histoire et Sociologie // Traite de Sociologie / Ed. G. Gurvitch. Paris, 1962. P. 93.
- ¹³ См.: Cahman W., Boskoff A. (Eds.). Sociology and History and Research, Free Press, 1964. P. 7.
- ¹⁴ Tilly Ch. As Sociology Meets History. New York, 1981. P. 34.
- ¹⁵ См.: Rjggs F.W. Development // Social Science Concepts: A Systematic Analysis, G. Sartorius. London, 1984. P. 125–204.
- ¹⁶ См.: Rose R. Institutionalizing Professional Political Science in Europe // Political Studies. 1991. 39. 3. P. 446–462.
- ¹⁷ Hayek F.A. The Dilemma of Specialization // L. White, ed. The State of the Social Sciences. Chicago, 1956. P. 463.
- ¹⁸ Buchanan J. Economics and its Scientific Neighbors / Sherman R. Krupp (Ed.) // The Structure of Economic Science. Prentice-Hall, 1966. P. 181.
- ¹⁹ Solow R. Science and Ideology in Economics // Public Interest. 1970. 21. Fall. P. 94–107.
- ²⁰ Bartoli H. L'Economie Unidimensionnelle. Paris, 1991. P. 490.
- ²¹ Martinelli A., Smelser N. Economic Sociology, Historical Trends and Analytic Issues // Current Sociology. 1990. Vol. 38. № 2. P. 1–49.
- ²² Hirshleifer J. The Expanding Domain of Economics // American Economic Review. 1985. 72. 6. P. 53.
- ²³ Inkeles A. Sociological Theory in Relation to Social Psychological Variables // J.C. McKinney / Ed. A. Tiryakian. Theoretical Sociology. New York, 1970. P. 404.
- ²⁴ Calhoun C. Sociology, other Disciplines and the Project of a General Understanding of Social Life // Halliday T., Janowitz M. Op. cit. 1992. P. 175.
- ²⁵ Lewis W.A. The Theory of Economic Growth. Allen Unwin, 1955. P. 53.
- ²⁶ Galbraith J.K. Conditions for Economic Change in Underdeveloped Countries // J. of Farm Economics. 1957. 33. P. 39–41.
- ²⁷ См.: Dogan M., Pahre R. Creative Marginality, Innovation at the Intersections of Social Sciences. Boulder, Colo. Westview Press, 1990. P. 63–76.
- ²⁸ Levy M.J. Scientific Analysis is a Subset of Comparative Analysis // McKinney, Tiryakian. Op. cit. 1970. P. 99–110.

Поступила в редакцию 07.11.10.

Перевод с английского Н.В. Романовского